

1934 год

1 января. Как и было намечено, Новый год мы встретили дома в небольшой компании. Жена приготовила гостям небольшие подарки и каждому шуточные стишки. И.Я.Антуфьеву, которому я пытаюсь (но пока безуспешно) продать томик стихов Лонгфелло, жена вручила следующие стихи:

²Трудно придумать — чего же я вам
В Новом году пожелаю?
Вы не поверите старым словам,
Новых же, право, не знаю.
Помолодеть? — Вы и так молодец.
Денег желать — надоело...
Вот, разве что: приобрести, наконец,
Нашего Генри Лонгфелло.

Жене Антуфьева, Зинаиде Ивановне, жена моя подарила маленький китайский медальон со следующими стихами:

Сей амулет на много лет
Вас сохранит от всяких бед.
С ним долго можете прожить,
Курильте, любите и водку пить.

Мне же были посвящены женой следующие стихи — пародия на «Ворона» Эдгара По:

Так бывает: сядет Ваня за накрытый стол парадный.
Яства, вина и печенья — все окинет жадный взор.
Но едва лишь за бутылкой робко руку он протянет,
Вмиг жена, нахмурив брови, каркнет грозно: Nevermore!
И сегодня, в день великий — года Нового рождения
Я хочу бедняжке Ване с чистым сердцем пожелать,
Чтобы, забыв свою печенку, Ваня дул всегда водчонку,
И на все мои запреты молвил гордо: Наплевать!

Остальным двум членам нашей компании также были посвящены шуточные стихи. Чтение этих стихов очень повеселило все наше маленькое общество. Вечер вообще прошел недурно, немного потанцевали, попели, скромно выпили.

³2 января. Депрессия депрессией, а встреча Нового года все же должна быть проведена, как следует. По слухам, на встрече всюду было полно. В Русском клубе нельзя было найти ни одного свободного места. Большинство публики веселилось здесь до пяти—шести часов утра, некоторые, особенно рьяные любители встречи Нового года, пробыли в клубе даже до десяти часов утра. Было много народа и в сокольне, куда на новогоднее торжество были приглашены и мы с женой. Здесь над столом висела большая хлопушка. К 12-ти часам ночи раздался револьверный выстрел, хлопушка начала разворачи-

¹ Записи И.И.Серебренникова, кроме оговоренных.

² Далее записи рукой А.Н.Серебренниковой.

³ Далее записи рукой И.И.Серебренникова.

ваться, и показалось старое русское трехцветное знамя. Сокола веселились до четырех часов утра.

Многие русские, встречавшие Новый год по новому стилю, будут встречать его и еще раз, по старому стилю, т.е. 13 января. В этот день в Русском клубе опять будет полно.

3 января. Вчера в нашей квартире произошла одна хозяйственная неприятность: вечером, часов в 10, после ремонта змеевика китайцами, лопнула водопроводная труба у плиты, и кухню стала заливать вода. Жена бросилась убирать с полу воду, я кинулся на улицу искать мастера, чтобы поправить беду. За поздним временем мастера не нашел. Спасибо, выручил нижний жилец, который выключил воду, замотал обмоткой трубу, дававшую течь, и кое-как мы остановили, наконец, наводнение в нашей квартире. Жена сильно переволновалась. У нее случился сердечный припадок. Плохо провели ночь.

Сегодня в кухне был произведен еще один ремонт. Кажется, на этот раз все обошлось и обойдется благополучно.

4 января. Неутомимый Борисов продолжает давать по четвергам свои виктрольные концерты в Русском клубе. Сегодня его концерт посвящается произведениям Шопена. Своей настойчивостью он добился того, что его концерты имеют теперь уже более или менее постоянную аудиторию.

5 января. Понемногу пописываю свою хрестоматию белого отступления 1919—1922 годов. Кажется, мой труд разрастется и примет большие размеры.

6 января. Канун нашего Рождества Христова. Сегодня мы с женой получили ряд поздравительных писем и рождественских подарков от наших друзей. Редактор шанхайского «Паруса» Д.И.Густав сообщил мне, что моя статья «Русские интересы в Китае» отпечатана отдельной брошюрой в количестве 200 экземпляров, из коих 180 высылается мне, и что моя статья «Албазин и Албазинцы» тоже пойдет в «Парусе». Я был удивлен, что Густав оказался почитателем моих китайских рассказов.

— Они так хороши у вас, — написал он мне.

Из письма видно, что журнал может погибнуть из-за плохих материальных дел. Будет очень жаль, если это случится.

7 января. Я не принадлежу к числу людей, которые любят визитировать по большим праздникам. Однако все же побывал сегодня с визитами в пяти домах. Везде встречал русское рождественское радушие и хлебосольство и столы, накрытые разными яствами и питиями. Вечером присутствовал на заседании культурно-просветительной секции общества «Сокол»¹.

8 января. Виделся на минутку с генералом Вержбицким, который находится здесь проездом из Шанхая в Харбин, где теперь постоянно живет. На мой вопрос, ожидают ли в Харбине войны между Японией и Советской Россией, генерал ответил:

---

¹ Русская традиционная военно-спортивная система воспитания молодежи, существовавшая в России до 1923 г., после 1923 г. в эмиграции и с 1991 г. в современной России.

– Едва ли эта война будет в течение двух ближайших лет: ускорить ее могут лишь случайности. Воевать Японии и хочется, и колется...

9 января. Жена, Антуфьев и Лидочка Страндберг пошли сегодня в Gayety Theatre смотреть и слушать Шаляпина в кинофильме «Дон Кихот». Фильм пока делает битковые сборы. Главное, Шаляпин – это наш эмигрант, это «Россия вне России». Недавно мы разговорились, талантлива ли теперешняя эмиграция. Признали: да, богата талантами и талантлива...

Разве Шаляпин не король оперных артистов и не царь оперных басов?

Разве Алехин не шахматный король?

Разве наш Бунин, хотя бы на этот год, не король изящной литературы?

Кроме королей, имеется еще сколько герцогов и принцев?!

Расхвастались... Что же? И то утешенье...

10 января. Соблазнился и я: пошел сегодня смотреть Шаляпина в «Дон-Кихоте». Великий артист дал глубоко трагический образ печального рыцаря. Постановка слишком тонка, не для широкой публики. Последняя сцена с сжиганием книг произвела на меня, вместе с печальным пением артиста, потрясающее впечатление. Покопаясь в душе и у самого найдешь что-нибудь от донкихотства. Мы ли бслыс – Дон Кихоты? Или наши противники, красные? Или у тех и других есть порядочная доза донкихотства? Да, может быть, Россия сегодняшнего дня – Дон Кихот, а Европа – Санчо-Панчо [Санчо Панса]?

Обывательская публика осталась очень недовольна картиной. Были даже такие отзывы:

– Какая гадость!

Разочарование это можно понять, если вспомнить, что местная публика уже крепко привыкла к американским кино-пошлостям.

11 января. Что-то начала побаливать правая нога. То ли это простуда, прострел или что-то от паралича. Видно, нужно выдергивать больные зубы. Еще болит почему-то язык. Другой раз берет отчаяние: нужно ли уж бороться со всеми этими напастями?

12 января. Моя работа на тему «Великий отход» понемногу подвигается вперед: написано мною уже свыше 50 страниц текста. Испытываю некоторые затруднения из-за отсутствия материалов. И достать их негде здесь!

13 января. Канун Русского Нового года. 9 часов вечера. Сижу один дома. Жена пошла к Д.А. и Е.С. Курбатовым на встречу Нового года. Я отказался пойти на вечеринку: уже раз встречал Новый год, дважды встречать его не хочется. Был у меня сегодня Р.В.Смит. Беседовали с ним. Он считает, что 1934 год будет во всех отношениях критическим. Мир должен будет повернуться туда или сюда. На очереди – разрешение трех проблем: версальской, русской и тихоокеанской.

14 января. Покутив при встрече Нового года, один молодой человек, некто Столов, застрелился сегодня утром в ресторане «Золотой Рог». Что за причины, не знаю. Не задыхается ли молодежь в пустоте эмигрантского бытия? Просмотрел бюллетень № 32 советского издания «Международная книга», антикварный каталог книг по

Востоку, Сибири, Кавказу и Крыму. Под номером 1261 нашел свою книгу «Записка об экономическом положении района ж. д. Иркутск—Жигалово». Цена показана 2 американских доллара. Не дешево.

15 января. Получил от Д.П.Першина рукопись «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак».

16 января. Бегло просмотрел рукопись Першина: написана она разбросанно но тем не менее, включает в себя описание многих интересных эпизодов из жизни современной Монголии. Мое заключение: рукопись стоит того, чтобы поработать над ней и придать ей законченный вид.

17 января. Число учеников наших снова начало прибавляться. Сегодня появилась у меня ученица по математике, китаянка Дога Chun. Это первая китаянка, которой я буду преподавать математику. Преподавание придется вести на английском языке. Я хочу внимательно отнестись к этому уроку: может быть, появятся у меня и другие ученики из китайцев. Дога Chun кончила ныне здесь английскую школу.

18 января. Понемногу корплю над своей новой рукописью «Великий отход». Написанное прочитывает жена и вносит стилистические исправления, наводит, что называется, лоск на работу.

19 января. Крещение Господне. Дует сильный холодный ветер, пронизывающий. Под шум этого ветра невольно вырастают грустные думы. Вот завтра исполнится ровно 14 лет, как я сел в Иркутске на чехословацкий поезд, чтобы выехать в Китай. 14 лет мы живем в стране, где не угасает пламя гражданской войны. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, где-то в далекой провинции Фуцзянь происходит война, и генералиссимус Чжань—Кай—Шек [Чжан Кайши] добивает своих политических противников. Поневоле вспомнишь стихи про Китай мудрого поэта Дона Аминадо:

Не удивительно, что мы
Понять не в силах ничего,
Ни кто — кому, ни кто — кого,
Ни чей кулак, ни чьи бока,
Где генерал и где река,
Кто город сдал, кто город брал
И кто из города удрал...

20 января. Сегодня — день моего ангела. Именин я не справлял. Всего же за день у меня побывало около 15 человек, принесших мне поздравления. И.Н.Головко-Улазовский вспомнил обо мне из Харбина и прислал поздравительную телеграмму. И.Я.Антуфьев подарил мне хорошенькую шкатулку китайской работы. Вечером был ужин в маленькой компании.

21 января. Воскресенье. После обеда меня совершенно неожиданно навестил Пастухин, редактор газеты «Возрождение Азии», и спросил меня, не имею ли я материалов по вопросу о советизации Китая. Я ответил, что специально этого вопроса я не изучал. Воспользовавшись случаем, я указал Пастухину, что руководимая им газета при некоторых условиях могла бы быть очень полезной для русского общества здесь, но что так, как она ведется сейчас, она приносит только большой вред. Посетитель пробовал возражать против этого моего

утверждения, напирая на то, что «надо же объединиться, наконец, надо создать что-то авторитетное...» Он же сообщил мне, что газета будет выходить в скором времени в увеличенном виде и будет иметь восемь страниц ежедневно.

22 января. В библиотеке «Знание» встретился с художником Токарским*. Он сообщил мне, что моя статья «Албазинцы» навесила ему мысль написать картину «Осада Албазина» и что он сейчас работает над ней.

Сегодня первый раз занимался с ученицей-китаянкой, Дорой Чун, объяснял ей по-английски бином Ньютона. Девочка поразила меня своей быстрой сообразительностью и математическими способностями.

¹Ровно месяц не писала ничего. Все было некогда, некогда, была какая-то спешка — приготовления к празднику, сам праздник, много гостей каждый день и большая усталость от всего этого. Погода изменилась с нашего Рождества, стало холодно — до 14 градусов, а сейчас вот уже пятый день дует отвратительный холодный ветер, пронизывающий до костей и все заносающий пылью.

Как прошел этот месяц, я и не заметила. Мне все казалось, что я только неделю назад оставила свой дневник. Были все те же старые печали — слава Богу, не было новых. Одно известие очень обрадовало меня: И.А.Бунин почтен Нобелевской премией, и, значит, в его лице почтена вся русская эмиграция, принесшая в изгнание, на чужбину, неугасимое горение духа, чудесный расцвет данных ей от Бога даров.

Я чувствую себя сейчас счастливой и гордой, вспоминая, как я от самых молодых своих лет восхищалась бунинским талантом, который, нужно сказать правду, очень немногими был понят и ценен. Помню, когда я поместила в иркутской газете «Сибирь», в которой я сотрудничала, восторженный отзыв о стихах Бунина, Валериан К., человек неглупый и достаточно интеллигентный, высмеивал меня за этот отзыв: «Что это вы разохались над Буниным — ах, чудесно! Ах, прекрасно!» — язвительно говорил он мне. «Что за институтские восторги! Стихи, как стихи — ничего особенного нет». И другие судили так же. Здесь, в эмиграции, никто никогда не читал Бунина; я знаю это по прежней своей библиотеке в Тяньцзине. Теперь, после чести, оказанной Бунину, многие, вероятно, бросятся знакомиться с ним, и я воображаю это всеобщее разочарование: «За что же ему дали премию? Так скучно пишет...»

Такое разочарование испытала тяньцзиньская публика при постановке здесь в кино «Дон Кихота» с участием Шалапина. Русская молодежь совершенно не поняла картины и не оценила шалапинского таланта; она привыкла к пошлым американским постановкам с затасканным любовным сюжетом и традиционным поцелуем в конце. Но не только молодежь — много взрослых, русских и иностранцев, уходили с середины картины, ворча на «непонятный» и «нелюбопытный» сюжет. Вероятно, никто из них не читал «Дон Кихота». Мы с мужем смотрели картину и нашли ее превосходной. Постановка вниматель-

---

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

ная, отлично показан стиль эпохи, Шаяпин создал трогательный, величественный и трагический образ Дон-Кихота. Голос его звучал бесподобно, волнуя меня до слез.

Иногда меня сильно раздражает эта косность и недалекость суждений тыньцинской публики, и я чувствую, что мне душно и тесно в этом замкнутом, глухом болоте. Но куда деваться?

Получила я на днях открытку из Иркутска от сестры Вали. Беспокоится, что я давно не пишу, а я все жду от нее ответов на свои письма. Слава Богу, что она еще жива. Эти немногие строки от нее — большая для меня радость.

Состоялось вторичное слушание дела Сидоровых, и их оправдали, на этот раз навсегда.

Русский Новый год ознаменовался для нашей русской колонии печальным случаем. Во время новогоднего завтрака в ресторане «Золотой Рог» покончил с собой, выстрелом из револьвера в висок, Д.Е.Столлов, в прошлом офицер Шаньдунской армии. Причины неизвестны, но в городе возникли некие темные слухи, связанные с одним из присутствовавших на этом завтраке.

23 января. Был у меня вечером молодой человек, некто Храмов, бывший в 1922 году начальником Командорских островов. Он прочел мне свой доклад об этих островах, очень интересный. Я посоветовал сделать некоторые дополнения к докладу, каковой Храмов предполагает прочитать на одной из сокольских вечеринок.

24 января. Могут ли быть люди без национальностей? Конечно, могут. Это — мы, русские беженцы.

Сегодня в английских газетах объявлено шведским консулом в Шанхае о предстоящем браке шведского гражданина Джона Роберта Йогансона с Меланьей Викторовной Дергачевой, барышней (Miss) без национальности — «without nationality». Вот полный текст этого объявления:

Consulate General for Sweden in China

ROYAL SWEDISH CONSULATE GENERAL IN SHANGHAI.

Notice is hereby given that Swedish citizen JOHN ROBERT JOHANSSON, employee of Messrs Fobes Co., Ltd. of Tientsin, born on the 25th August 1904 in Shanghai, and Miss MELANIA VICTOROVNA DERGACHEVA, born on 10th January, 1906 in Nikolsk Ussurisk in the district of Priamuria, Russia, without nationality, both now residing at Tientsin, intend to contract marriage, and that any just cause why they should not be allowed to do so must be declared before the undersigned not later than the 15th of February, 1934.

Shanghai in the Royal Swedish Consulate General

this 18th January, 1934.

(Signed) Einar Linquist

Consul General.

Русские женщины решительно покоряют иностранцев в Китае, что очень помогает нам, людям без национальности, усиливать здесь русское влияние.

25 января. Был сегодня по одному делу у доктора Перцеля, большевиком-визанствующего еврея, моего земляка. Он очень доволен отставкой

военного министра Японии Араки. Прямо ликует: вот-де как японцы испугались большевиков.

26 января. «The Cathy», a fortnightly bulletin из Шанхая, запрашивает меня, сколько я хотел бы получить за мой рассказ «Retribution». Вопрос затруднительный... Не знаю, что и ответить на него.

27 января. Получил письмо от Б.Б.Филимонова из Шанхая и вместе с тем два тома его исторического труда «Белоповстанцы». Из письма видно, что Филимонов работает сейчас над книгой «Борьба на Урале» (июнь 1918 года — май 1919 года), а также подготавливает к печати третий том «Белоповстанцев». Добросовестное трудолюбие автора прямо поразительно. Хочу предложить ему, не возьмется ли он издать в Шанхае мои мемуары: «Мои Воспоминания: Сибирь и Китай. 1917—1922». Как было бы хорошо, если бы Б[орис] Б[орисович] согласился на это.

28 января. Воскресенье. Был на вечеринке соколов, где еще раз прослушал интересный доклад Храмова о Командорских островах. На докладе было человек 70: соколов, соколок и соколят.

29 января. Вечером у меня был Константинов, по моему приглашению. Часа два рассказывал он мне о своей монгольской одиссее, когда ему пришлось быть здесь в 1921 году в рядах отряда Казагранди. Он рассказывал, я записывал. Это мне нужно для моей работы о «Великом отходе». Еще два вечера, и одиссея будет рассказана мне полностью.

30 января. Работать по части писательской удастся только по вечерам и то, если никто не помешает, т.е. не придет какой-либо гость.

31 января. Начал получать газету «Харбинское время». Газета как-то потускнела и посерела в сравнении с первым годом ее существования.

¹Опять долго не записывала ничего. Не хватает времени. Принялась за перепечатывание нового исторического труда моего мужа, переписываю для него документы, прибавилось учеников. Много вообще всякой работы. Живу и работаю сейчас в маленькой комнатке за кухней, так как спальню нашу занимает сейчас Люра Зверев. Хочу написать Ольге Львовне, чтобы они поместили Люру где-нибудь в другом месте, да стесняюсь. А жить в такой закутке мне тяжело, не хватает воздуха. Поговорили мы с мужем сегодня и решили все же отказаться от Люры. Как-нибудь перебьемся до лета, а там, если будем живы-здоровы, думаю снять дачу в Пэйтайхо и держать квартирантов.

Была я вчера в Русском клубе на очередном «пластиночном» концерте. Шла опера Массне* «Манон» в исполнении Opera Comique в Париже. Пленительная музыка и чудесные голоса у солистов. Следующий концерт посвящен будет Шуману.

Сегодня, после нескольких теплых дней, выпал большой снег; но снег уже весенний, быстро тающий, и в воздухе тепло и свежо одновременно. Через неделю наступит Китайский Новый год, после которого обычно приходит «официальная» весна.

1 февраля. Набрался сегодня духу: пошел к зубному врачу и выдернул четыре верхних зуба — теперь у меня в верхней челюсти осталось

---

¹ Записи А.Н.Серебренниковой.

всего четыре зуба. Все это последствия болезни *Pyorrhea alveolaris* — воспаления зубных ячеек. Я борюсь с этой болезнью только тем, что каждый год выдергиваю два—три зуба. Не хватает как-то решимости вырвать сразу все зубы.

Впервые эта болезнь у меня приключилась в 1927 году. Тогда я лечил ее в японском госпитале, в Дайрене, у зубного врача Танака. Он сказал мне: ваша пиоррея не очень злокачественна, я могу остановить ее. И он действительно остановил гноетечение десен. Я вырвал два зуба, которые сильно шатались.

В 1929 году у меня сильно заболели ноги, в сгибе у ступни. Я с трудом ходил и был вообще в крайне плохом самочувствии. По совету доктора Чердынцева я съездил в Пекин, побывал там в Рокфеллеровском институте, снял рентген с моих зубов, и доктор Баранов удалил у меня два зуба. Недели через три после этого боль в ногах стала проходить и вскоре исчезла совсем. Я обрел хорошее самочувствие.

Год тому назад, однако, у меня вновь заболели ноги. Я снова сделал рентгеновский снимок моих зубов, но исследовавшие снимок доктор Эдер в Тяньцзинь и доктор Баранов в Пекине сказали мне, что зубы у меня в порядке и нет необходимости вырывать какие-либо из них.

Находясь в Пекине, я обратился еще за советом к американскому врачу Прентису. Он внимательно освидетельствовал меня и сказал, что мне надо удалить одиннадцать зубов. По приезде в Тяньцзинь я удалил весной прошлого года четыре зуба, и боли в ногах у меня исчезли.

Ухудшилось теперь у меня самочувствие, и я опять вырвал четыре зуба сегодня. Так мотает меня эта зубная болезнь... Могу сказать, что в Китае многие русские болеют альвеолярной пиорреей. Из моих знакомых здесь, в Тяньцзинь, вырвали у себя, из-за этой болезни, все зубы Ерин и его супруга, Романенко, доктор Кузьмин А.П., Муравьев. Скверно то, что доктора не знают причин этой болезни и не умеют ее лечить. Остается одно: дергать зубы.

Плохо, когда начинают привязываться разные болезни. До 45 лет я чувствовал себя совершенно здоровым, почти никогда ничем серьезным не болел и не лечился. Теперь вот донимают разного рода недомогания... Эх... жизнь. А все же думаешь: в Сибири с тобой не было бы ничего подобного...

¹Снег шел всю ночь, и идет все утро сегодня. Улицы белы и чисты, и смотреть на них приятно.

Сейчас 3 часа дня. Муж ушел вырывать себе зубы, последние семь на верхней челюсти. Пиоррея совсем измучила его, и он решился, наконец, на эту операцию; другого средства нет. Он очень нервничает все эти дни, и сердце мое полно глубокой жалостью к нему и невольным страхом за него.

2 февраля. Что делать? Надо как-то жить и работать. Жду ответа из Шанхая, от газеты «Слово», которой я снова предложил свои услуги по сотрудничеству. Пока что послал туда статью «Смерть Адмирала

---

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

Колчака», для номера, который выйдет 7 февраля, в годовщину смерти адмирала.

3 февраля. Д.П.Першину в Калган я как-то послал отрывной табель-календарь на 1934 год. На картон наклеил один ландшафт, напоминающий наши таежные виды: озерко в лесу и на бережку мишка косолапый... Сегодня получил от Д[митрия] П[етровича] письмо, в котором он пишет мне: «Этот таежный ландшафт привел меня в восхищение. Он напомнил мне мои шатания по прибайкальским странам. Та же глушь, и та же лесная вакханалия. Тут же, в одной куче, и старухи-лиственницы, почти отжившие, и молодая их поросль — ярко зеленая, свеженькая, улыбающаяся, выглядывающая бодро из бурслома, символа смерти и всего преходящего. А на фоне таежных хвойников выделяется фигура властелина тайги — черного “мишки”, что-то впереди учуявшего... Фас пейзажа залит бледным светом. И вся эта таежная поросль глядится, как в зеркало, в прозрачную лесную реку. А если к этому добавить воображением и тишину, и воздух хрустальный, прозрачный, ядреный, напитанный хвоей, то вся картина таежных дсбрей будет, как на ладони».

По-моему, написано хорошо, изобразительно. В этом же своем обширном письме на 10 страницах Д[митрий] П[етрович] сообщил мне кос-какие дополнительные данные для характеристики барона Унгерна.

Моя работа «Великий отход» понемногу продвигается вперед, пока мной написан текст на следующие заголовки: «Вступление. Ледяной поход. Легендарный март. Смерть Верховного правителя адмирала Колчака. Смерть генерала Каппеля. Отход Южной армии. Отход отрядов Дутова и Анненкова. Дорога смерти. Алтайская разруха. Отход из Забайкалья. Бой у деревни Чиндант. Отход к Даурии. Думы под песни. Отход к Маньчжурии. Приморские кошмары. На севере Сибири. Русские во внешней Монголии. Русские в Урянхас. Лагерь на реке Эмиль. Поход барона Унгерна на Ургу. Барон Унгерн. Гибель экспедиции Центросоюза. В осажденной Урге. Похищение живого бога. Взятие Урги. Приказ номер 15. Возведение Богдо на престол. Революционное правительство Монголии. Кобдоский погром. В Оралго. В районе озера Косогола. В Заин-шаби. В Улясутае. Атаман Казанцев. Сражение при реке Тарлакшин. Поход Унгерна на Троицкосавск. Бой под Троицкосавском. Отряд полковника Казагранди. Конец барона Унгерна. Улясутайская резня. Поход Бакича через Чжунгарию».

Вероятно, будет еще столько же заголовков, когда я кончу свою работу.

4 февраля. Воскресенье. На обед были блины, по-русски, с икрой и селедкой. Пренебрегши диетой, на которой сижу, я тоже немного покушал блинов. После обеда нас навестил с визитом А.В.Барташев* в сопровождении В.Г.Шустова. Барташев в прошлом директор средних учебных заведений в Троицкосавске, Верхнеудинске, Бодайбо, Чите, Урге и Харбине, родом сибиряк, минусинец, происходит из минусинских инородцев, сейчас, кажется, советский гражданин. Он недавно в Тяньцзине и собирается открыть здесь среднюю школу, вечерние

курсы и еще что-то. Пригласил меня и жену лекторами на организуемые им курсы. Мы обещали подумать.

Вечером я побывал в гостях у Б.М.Кеппинг*, бывшего офицера Оренбургской армии. Много беседовали, вспоминая различные инциденты из истории Гражданской войны на Урале и Сибири. Б[орис] М[ихайлович] вручил мне для просмотра книгу приказов автомобильного отдела штаба Южной армии. Из этой книги можно точно установить даты и маршрут отступления этой армии в Китай, в 1919—20 годах. Между прочим, от гостеприимных хозяев я узнал, что дочь атамана Дутова находится сейчас в Тяньцзине и учится в Английской школе.

5 февраля. Вечером у меня был Константинов. Он повествовал мне снова об эпопее полковника Казагранди, я записывал. Еще два таких вечера, и я запишу о Казагранди все, что нужно мне.

6 февраля. С утра заболела печень, не сильно, но все же весь день провалялся в постели, отменил уроки. Пришла газета «Слово» — очевидно, приняты мои услуги как сотрудника газеты. Получил также пачку газет «Харбинское Время», каковая предлагает мне принимать подписку здесь на нее. Почтальон принес еще жене книжку стихов сибирского поэта, теперь и американского гражданина в Сан-Франциско, Бориса Волкова¹. Книжка только что вышла в Берлине и носит название «В пыли чужих дорог». Стихи, кажется, недурные. На днях займусь их чтением. Вечером меня навестили И.Я.Антуфьев и Mr. Morg. Последний принёс мне для чтения свежий номер нью-йоркского журнала «Asia».

Журнал «The Catay» из Шанхая предлагает мне получить за рассказ «Retribution» двадцать долларов. Я согласился. И то деньги.

7 февраля. День поминовения усопших воинов адмирала Колчака, генерала Каппеля, атамана Дутова... Сегодня в Шанхае в «Слове» должна появиться моя статья «Смерть адмирала Колчака». От Б.Б.Филимонова из Шанхая получил письмо, в котором он изъявил желание взяться за издание моих мемуаров («Мои Воспоминания. 1917—1922. Сибирь. Китай»). Я решил не медлить с этим делом и завтра же отослать рукопись в Шанхай.

8 февраля. Мемуары приходится все же немного выправлять. Отправка их поэтому задержится на день или два. Отправил сегодня Д.П.Першину небольшую посылочку с его любимыми продуктами.

9 февраля. Что-то плохо все чувствую себя.

10 февраля. С полдня заболел, обозначился припадок боли в печени. Провалялся в постели.

11 февраля. Воскресенье. Весь вечер пролежал в постели. Был доктор Суторихин, прописал строжайшую диету, припарки и какие-то успокаивающие порошки. Так длительно никогда еще не болела у меня печень. Может быть, случилось что-то новое.

12 февраля. Слег окончателно в постель. Отменил все уроки.

13 февраля. Ночью было легче. Спал хорошо. В боку все еще какая-то щемящая боль. Сегодня китайцы встречают Новый год, и потому

---

¹ Волков Б.Н. В пыли чужих дорог: Стихи. Берлин: Парабола, Б.г.

беспрестанно грохают хлопушки, несмотря на запрещение полиции. Старые традиции сильны и живучи.

14 февраля. Без перемен. Так пишу я в своем дневнике сам свои собственные бюллетени о здоровье.

15 февраля. Почувствовал облегчение. Начал заниматься понемногу уроками. Болезнь предоставляет возможность подумать о собственной судьбе. Оба мы с женой стареем, недомогаем. Сбережений на старость не имеем. Перспективы неутешительные. Тем не мене, не хочется опускать руки. Все еще думаю о том, как бы обеспечить нашу старость. Может быть, написать что-нибудь такое, что бойко пошло бы на мировом книжном рынке и принесло бы деньги? Это, однако, не так-то легко осуществить!

16 февраля. Получил из Шанхая 80 экз[емпляров] моей брошюры «Русские интересы в Китае». Брошюра издана без указания на то, что она является отдельным оттиском из журнала «Парус». Вышла она в серии «Эмигрантская библиотека» № 9. Думаю пустить ее в продажу по дешевой цене.

17 февраля. Вчера присхал к нам из Пекина Я.Ф.Зверев, отчим мальчика Люры, который живет у нас, посещая Английскую школу. Мы, поместив у себя мальчика, сильно потеснились. Теперь, ввиду плохого нашего здоровья, мы попросили Я.Ф. подыскать для Люры другую квартиру. Я.Ф. внял нашей просьбе и сегодня же нашел мальчику другую комнату, в которую он переедет с 1-го марта. Я все еще плохо чувствую себя.

18 февраля. Воскресенье. Прощеный день. Почти весь день провалялся в постели. Что-то внутри ноет, сосет.

19 февраля. Стало легче. Поднялся с постели. Немного уже работал.

20 февраля. За время болезни моя работа лишь немного продвинулась вперед. Все же были заполнены следующие подзаголовки: «В Шарасумэ. Голодный поход. Взятие Шарасумэ. От Шарасумэ до Кобдо. В Кобдоском районе. Осада хурэ Сарыл Гуна. Пленение Хас-Батора. Поход Кайгородова на Алтай. В осажденном хурэ. Конец Бакича. Поход отряда полковника Сокольницкого. Преследуемые монголами».

¹Опять большой перерыв в записях: не стало хватать времени. После того как муж вырвал себе 3 зуба (4 еще остались), вскоре же заболела у него печень. Не знаю, случайность ли это. Мы с ним почему-то уверены, что пиоррея и постоянные у него приступы боли в печени имеют между собой какую-то связь: то и другое появилось у него 7 лет тому назад одновременно. В этот раз муж проболел очень долго. Пришлось вызывать врача. Пролежал он в постели дней 10, ничего не ел, сильно исхудал. Я была при нем бессменной сиделкой, и потому все мои дела отложены, остановилось и печатанье на машинке. Сейчас мужу лучше, он уже встал и занимается с учениками, но еще не выходит на улицу. Сама я очень устала за это время и тоже чувствую себя неважно.

---

¹ Записи А.Н.Серебрянниковой.

Люра переезжает от нас 1 марта. Приезжал сюда из Пекина его отец, гостил у нас два дня и нашел Люре комнату у Соколовых. Хотел было он просить нас оставить у нас сына и дальше, да посмотрел, как мы оба с мужем «расписались», и не стал настаивать. Через неделю, значит, я получаю снова в свое распоряжение нашу большую спальню, где не в пример легче работать: светло, тепло и просторно. Немножко жаль Люру, я привыкла к нему, и он покидает нас с видимым сожалением, но что же делать? Нелегко было мужу лежать больным в малюсенькой комнате за кухней.

Все поражены вестью о трагической гибели короля бельгийского Альберта, разбившегося при падении в ущелье во время прогулки в горах. Еще со времени германской войны личность короля Альберта была окружена в моем представлении рыцарским ореолом и вызывала теплую симпатию и преклонение. Вся Европа искренне оплакивает его, сообщают газеты. Какая-то нелепая, необыкновенная смерть, какой, кажется, не должны умирать монархи – вероятно, единственная в таком роде смерть правителя государства за всю мировую историю.

Уже две недели стоит чудная, теплая весенняя погода, прервавшаяся только на один день сильнейшим теплым ветром. Сегодня что-то пасмурно, и мне нехорошо.

Получила сейчас адресованное мне и мужу приглашение прийти сегодня на заседание культурно-просветительной организации.

21 февраля. С утра чувствовал себя хорошо, сделал порядочную прогулку по воздуху. К вечеру стало как-то хуже. К тому же сильно измотали меня гости, просидевшие до двенадцати часов ночи.

22 февраля. Был П.А.Савинцев, оставил мне для просмотра свою рукопись, дневник, относящийся к годам Гражданской войны в Сибири. Сегодня Иннокентьев день. Этот сибирский праздник прошел как-то незаметно. Помолился вечером Сибирскому Святителю, дабы он облегчил мои страдания. В этот день мой отец был именинник. Мир его праху. Вспоминаю, как я в 1908 году ставил на его могиле памятник из кирпича, на сельском кладбище в моей родной Знаменке.

23 февраля. Сибиряк сибиряка понимает и издалека. Дорогой Д.П.Першин в сегодня полученном письме на имя жены пишет по поводу моей болезни: «Я никак не думал, судя по его внешности, что его допекают разные недуги, ну, я другое дело – старик (73 исполнилось), а он сравнительно молодой, и вдруг всякая дрянь непрошенная жалуется. Это, думаю, происходит оттого, что он, северянин, забрался в субтропический Китай, вот его родовая организация, свыкшаяся с суровым климатом, и протестует против переселения в несвойственную ей местность. Ведь его родовичи всю жизнь проводили в холодных Ленских краях, где воздух ядреный, хрустальный, а тут всюду преет и воняет гнилью, вот и заскучал организм по хорошим вольным воздухам. Значит, необходимо на месяц, два в году кочевать в места похолоднее, например, в Маньчжурию или хотя бы в Калганские страны...¹» Старик прав...

---

¹ Имеется в виду г. Калган.

24 февраля. Сегодня чувствовал себя получше. Вернулся из Харбина местный коммерсант Мальцев. Он пригласил И.Н.Головко-Улазовского своим компаньоном по магазину. Приезд И[вана] Н[арцисовича] [Головко-Улазовского] из Харбина вместе с его семьей ожидается сюда вскоре после 1-го марта.

25 февраля. Воскресенье. Разрешил себе побывать днем в кино. Смотрел довольно глупую музыкальную комедию английской продукции. Перед этой комедией были показаны новости Патэ, а также видовая картина: экскурсия скаутов на гору Афон. И то, и другое было интересно. Любопытно, что мальчишки-экскурсанты (кажется, англичане), собравшись в одном из уголков Афона, спели хором русскую песню «Эй, ухнем!», отчетливо выговаривая русские слова. Конечно, это было ни к селу, ни к городу, как говорится, и лишь показывало только, как во всем мире стала популярна эта русская песня наша. словно они пропели ее для нас, эмигрантов, специально.

26 февраля. Перевел Д.П.Першину 15 долларов, не мог больше собрать. Многие стали увивать от взносов. Как быть дальше, теряюсь. Из Шанхая вот уже два месяца как нет поддержки. Что-то надо предпринимать, чтобы более ощутительно помогать нашему калганскому отшельнику.

Сегодня к вечеру что-то опять неладно чувствую себя: может быть, это к перемене погоды. С докторами неразбериха: два дня тому назад был у доктора Суторихина, который измерил у меня давление крови и нашел, что оно составляет 160. Сегодня утром побывал у доктора Чердынцева, который нашел, что давление крови составляет 194. Кто же прав?

В Тяньцзине вышла сегодня новая газета «Русский Вестник» в издании местной Русской Нац[иональной] Общины. Газета эта будет выходить раз в неделю по понедельникам. Пикантно то, что вышедший номер газеты был отпечатан в типографии японской газетенки «Возрождение Азии», той самой, что еще совсем недавно поливала помоями местную русскую общественность. Теперь наступило трогательное единение: «Русский Вестник» отпечатался в типографии «Возрождения Азии» бесплатно. В городе вообще торжествует «единение». Представители шести местных русских общественных организаций объединились теперь и избрали Объединенный Деловой Комитет под председательством о[тца] протоиерея Петра Рождественского. Конечно, этот Комитет выделил Культурно-просветительную секцию, которая должна будет позаботиться о лекциях для нашей молодежи. О лекциях для молодежи заботится также кружок лекторов, сгруппировавшийся вокруг А.В.Барташева, старого сибирского педагога. Устройство каких-то лекций проектирует и недавно возникшее здесь О[бществ]о отечествоведения. Одним словом, Тяньцзиню угрожает целый поток лекций. Очевидно, имеются и лекторы. Вот будут ли только слушатели? От имени Комитета Делового Объединения лекции и доклады будут читаться каждую неделю, по вторникам, в помещении Русского клуба. Начало будет положено завтра, когда о[тец] прот[оиерей] Рождественский прочтет лекцию

на тему «Православная церковь как основа Русской национальной культуры» и П.А.Веденяпин — «Русское государственное культурное строительство», в заключение А.П.Бендерский прочтет отрывки из произведений русских писателей.

27 февраля. Валит хлопьями снег и тает. На улицах сыро и грязно. По этому случаю высидел весь день дома. Все еще не могу сказать, что здоровье мое наладилось.

28 февраля. Сегодня съехал от нас наш квартирант Люра Зверев. Опять с женой мы остаемся одни в нашей квартире.

1 марта. Получил вчера вечером письмо из Шанхая от Б.Б.Филимонова. Письмо — довольно длинное, содержит условия, на которых он соглашается издать мои мемуары. Условия эти, возможно, для меня и невыгодные, но придется на них согласиться. У меня нет выбора. Смущает меня то обстоятельство, что издатель мой предложил мне разбить мои мемуары на два тома «по коммерческим соображениям». Я не писал их так, чтобы иметь в виду, что они могут [быть] разбиты на два тома. Вероятно, все же придется мне согласиться и на это предложение.

Утром был по одному делу у доктора М.Я.Перцеля. Он предложил мне уроки математики в Еврейской школе, где преподавание ведется на английском языке. Я обещал подумать. Попутно попросил доктора измерить у меня давление крови. Он сделал это и нашел, что оно дает показатель 180. Итак, за неделю у трех разных докторов я получил в этом отношении три цифры: 160, 194, 180.

2 марта. Давно не получаю писем из Америки. В чем дело, не могу ума приложить.

3 марта. Епископ Виктор из Пекина прислал мне письмо, в котором извещает меня, что предполагается улучшить и расширить издание журнала «Китайский Благовестник», органа Русской Духовной Миссии в Китае, и просит меня приготовить какую-нибудь статью для пасхального номера журнала.

4 марта. Воскресенье. Были гости. В полдень завтракал у меня Mr. Morg, который помог мне составить письмо к Mrs. Stella Margold, секретарю The Reconstruction Finance Corporation в Вашингтоне. К вечеру подошли супруги Кузьмины, недавно приехавшие из Шанхая, супруги Лавдовские, Д.А.Курбатов и Лида Страндберг.

Гости долго не засиделись, и я рано ушел спать, вернее, лежа в постели стал просматривать свежий номер «Asia». Прочел статью Керенского о Ленине и самом себе в юности, по сибирским воспоминаниям. Статья Керенского поразила меня искренне теплым отношением к России, всему русскому и даже ее православной религии. Вероятно, изгнание и годы берут свое. Говоря о Ленине, Керенский в начале своей статьи написал: «Я родился под тем же самым небом. Я дышал тем же самым воздухом. Я слышал те же самые крестьянские песни и играл на той же самой школьной площадке. Я видел те же самые безграничные горизонты с того же самого высокого берега Волги. И я знаю по моей крови и моим костям и утверждаю без всяких колебаний, что, только потеряв всякое соприкосновение со своей родной землей, только сознательно подавив в себе все родные

чувства к ней, можно было сделать то, что сделал Ленин в своем сознательном жестоком изуродовании России».

5 марта. В 9 часов вечера зашел ко мне Константинов. Целых два часа повествовал он мне о походе отряда Казагранди осенью 1921 года по Гоби, откуда этот отряд вышел в Маньчжурию. Трагический финал похода — жутко потрясающий. По мере того как успевал, я записал все мне рассказанное.

6 марта. Почти совершенно нет у меня материалов об атамане Анненкове, точнее, об его скитаниях и заключениях в Китае. Придется начать опрос местных анненковцев.

7 марта. Местная общественность русская начинает бурлить и кипеть. Читаются лекции, доклады. Возятся фашисты, младороссы... Я пока стою в стороне от всего этого как по состоянию здоровья, так и по усталости. Признаться, житье на чужбине уже совершенно меня вымотало. Скрипишь, да живешь. Становишься раздражительным, это плохо отзывается на окружающих близких мне лицах.

8 марта. Вчера вечером побывал у меня в гостях П.А.Савинцев, редактор «Русского Вестника», я снабдил его кое-какими материалами для газеты.

Жена начала готовиться к своему докладу, который должен быть прочитан на Бунинском вечере. На ее письменном столе появилось уже 17 книг с сочинениями Бунина.

9 марта. Весь день чувствовал себя неважно [зачеркнуто: плоховато. — Прим. А.А.Хисамутдинова.]

10 марта. Написал статейку о Пу-И, теперь Кан-Де, его Величестве, императоре Маньчжугу. Хочу отправить ее в «Слово» — дальше, вероятно, писать в эту газету ничего не буду: я предчувствую, она не будет платить мне ни гроша. Вот и попробуйте при условиях подобного рода поработать в русской эмигрантской прессе здесь. Просят работать в «Парусе», но говорят: платить не можем, приглашают сотрудничать в «Русском Вестнике», но даром... и т.д.

Кстати, получил сегодня свежий номер «Паруса». В нем обращает на себя внимание статья самого редактора журнала, Д.Густава, под заголовком «Накануне». Эта статья о грядущей войне между Советской Россией и Японией наполнена лютой ненавистью к облепившей Россию коммунистической нечисти и кончается следующими тирадами: «Блестят зарницы. Приближается гроза. Грянет гром. Задрожит земля страхом великим... Нам ли бояться? Перед нами враг, наш смертельный враг. И в битвах грозových какое счастье схватить его за горло и бросить наземь... Ревут орудия. Взрываются бомбы. Жужжат аэропланы... Хохот дьявола и скрежет ада... дыхание смерти...

Война... Но ты — избавительница от моего смертного врага, от того врага, кто честь и жизнь отнял от меня, кто насмеялся над моим Богом, растлил народ мой, растерзал родину мою... О, неужели я убоюсь скрежета, ада, воя снарядов и мучительной смерти?... Лишь бы вцепиться мне моими руками в твое проклятое горло!..

Нет, не убоюсь. Я приветствую тебя, война, со всеми твоими ужасами, я жду тебя, как свою первую возлюбленную, ибо ненависть моя против врага моего превыше всего...»

11 марта. Воскресенье. Моя работа «Великий отход» немного продвинулась еще вперед. По сегодняшний день написаны следующие заголовки: «Персвал Маш Дабан. Тургук Да Лама. Сдача оружия. Смерть полковника Казагранди. По Гоби. 800 верст с боями. Последний бой» и закончил еще ряд глав по истории Белого Приморья (1921–1923 годы).

Сегодня утром побывал у В.И. Гусева, моего земляка, и записал у него кое-какие данные по истории возникновения отряда Казагранди. Теперь об этом отряде я имею все, что нужно. Весь остальной день сидел дома, на улицу не выходил: шел снег и таял, было сыро. Писал, читал... В «Парусе» я опять обратил внимание на стихи китайских поэтов в переводе с китайского Л.А. Слободчикова* и в стихотворной обработке Николая Светлова*. Вот, напр[имер], стихотворение китайского поэта Ван Вэя, времен династии Тан (VII–X века по Р[ождеству] Х[ристову]). Называется оно «В зарослях бамбука пост лютня».

Вечернее солнце скатилось за дальние горы.
Весь мир погружается в черный пугающий мрак.
Вот месяц родился из гущи соснового бора
И вдруг осветил предо мною холодный овраг.
Луна – все светлее. Вокруг – все прохладней и тише.
Вдали мелодично звучит неизвестный родник.
Вот дым, словно черная птица, поднялся над крышей.
Из хижины вышел и смотрит на месяц старик.
Ему, как и мне, в этот миг на земле неуютно.
В душе отчего-то холодная зреет тоска.
И грустно поет одинокая звонкая лютня
Из зарослей темных разросшегося бамбука.

В стихах китайских поэтов есть какое-то приятное своеобразие. Они короткие, выразительны, живописующи. Впрочем, я еще мало знаю китайскую поэзию и китайских поэтов. Читал сегодня стихи Бунина, и вдруг мне показалось, что некоторые стихи его напоминают собой китайские, особенно те, где он коротко, резкими мазками, также живописует.

Вот его стихотворение «Апрель».
Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши.
Шум мельницы, далекий лай собак,
Таинственный зигзаг летучей мыши.
А в старом палисаднике темно;
Свежо и сладко пахнет можжевельник.
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа зеленоватое пятно.

Конечно, мысли мои о «китайскости» стихов Бунина могут показаться смешными. Я не буду спорить, ибо, повторяю, мало знаю китайских поэтов. Мало читал и стихов Бунина. Стихотворение его «Конь Афины-Паллады» показалось мне интересной аллегорией того, что произошло в России, куда был ввезен коммунистический конь.

Запели жрецы, распахнулись врата – восхищенный
Пал на колени народ:
Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый,
В солнечном блеске грядет.
Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий.
Горе тебе, Илион!

12 марта. Мало, вероятно, кто знает, что Китай уже начинает подвергаться статистическому изучению и исследованию по научным методам. Центрами этого изучения являются университетские города: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин и т.д. Пионерами этого изучения являются профессора экономических наук: иностранцы, равно и китайцы. Пока что эти исследования носят частичный характер, выборочный, но все же уже появился более или менее надежный материал, чтобы судить о характерных демографических показателях для китайского населения, равно и статике, и динамике его внутреннего хозяйствования. Но, думается нам, в Китае еще не скоро может быть произведена однодневная всеобщая перепись населения. Нет для этого подготовленных людей и учреждений. Совершенно не созрел для этого и сам народ, при теперешнем состоянии дел в Китае производство переписи могло бы, пожалуй, вызвать даже серьезные народные волнения. Народ сильно напуган событиями последних двух десятков лет, разорен, переполнен суевериями. Китайские статистики, сборщики сведений по деревням, порой натываются на почти непреодолимые препятствия, мешающие сбору цифровых материалов. Все же начало научному статистическому исследованию Китая положено. Несмотря на все беды, жизнь идет вперед.

13 марта. По «Великому отходу» мною написаны главы: «Лагерь на Булугуне. На пути к Гучену. В Гучене. Проезд Дальневосточной армии через Маньчжурию. Переворот в Приморье. Очищение Приморья от красных. Хабаровский поход. Крушение последних надежд. Эвакуация Приморья. Из Посьета в Гирин. В Пограничной. В Гензане». Дальше я должен писать о флотилии адмирала Старка*, но как раз на эту тему мною еще не подобраны материалы.

Сегодня в Русском клубе очередные лекции. Жена, в небольшой компании, пошла послушать лекторов. Я остался домовничать. День, по погоде, был отвратительный: я с трудом провел его, стараясь быть спокойнее и не раздражаться. Все жалуются на головные боли. В городе свирепствуют эпидемии детских болезней. Многие школы распущены на целый месяц. Узнал, что завтра вечером приезжает в Тяньцзинь И.Н. Головко-Улазовский.

14 марта. В 4 часа дня ходил на Набережную, чтобы встретить японский пароход «Тяньцзинь-мару», на котором должен был прибыть сегодня Головко-Улазовский. Оказалось, благодаря сильному ветру, прибытие парохода задержалось на сутки. Пыльный ветер дует беспрерывно вот уже, кажется, четвертые сутки.

15 марта. Жена начала готовиться к маленькой лекции на тему «О русском языке, искажениях в нем и словотворчестве». Эту лекцию она обещала прочитать в Русском клубе 20 марта, в следующий вторник, по просьбе культурно-просветительной секции Комитета Делового Объединения эмиграции. Пока что вторниковые лекции публика сегодня посещает очень охотно.

16 марта. Побывал в редакции «North China Star», где просматривал комплект газеты за 1922 год, разыскивая материалы о флотилии

адмирала Старка¹. Против моего ожидания, нашел лишь скудные отрывочные сообщения, агентские телеграммы.

17 марта. К вечеру опять наладилась желтая буря. В городе потемнело. Стало желто. Написал сегодня главы «Русские в Маньчжурии» и «Резня в Трехречье». Если ничто не помешает, то свою работу «Великий отход» я закончу через месяц.

18 марта. Воскресенье. Вечером угощали ужином супругов Головки-Улазовских и их дочь и m[adam]e Лавдовскую. Получил письмо от Б.Б.Филимонова из Шанхая относительно издания моих мемуаров. Его главнейшие условия следующие: он печатает 600 экз[емпляров] моей книги и, по продаже ее, вручает мне 35% от чистой прибыли издания. Против этих условий я не возражаю, но мне не нравится, что издатель из-за коммерческих соображений ставит мне одно обязательство: разбить мои мемуары на два тома. Вместо одного солидного тома получится два тощих. Кроме сего, он находит, что у меня мало глав: предлагает их разбить на более мелкие. Все свои предложения Филимонов делает в категорической форме, не допускающей никаких возражений, напоминая мне о том, что есть русская пословица «Вольному — воля, спасенному — рай». Тон его писем — менторский, порой обидный. Он даже учит меня, что письма свои я должен печатать на пишущей машине и посылать их ему (из-за экономии) простыми, а не заказными. По-видимому, это — человек «с мертвой хваткой» и большой пунктуалист. Теперь у меня может быть два решения (напишу и их тоже по пунктам): 1) Прервать с Филимоновым переговоры и потребовать возвращения рукописи, или 2) согласиться на все его условия. Конечно, первое поведет к тому, что я долгое время еще не увижу в печати своих мемуаров.

---

¹ Сибирская флотилия, с которой эвакуировались белые части и члены их семей из Приморья. Последний командир Г.К.Старк. 31 октября 1922 г. в Гензене собрались следующие суда: «Байкал», «Свирь», «Батарей», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск», «Манджур», катера «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» (бывший «Павел Дирекционный»), «Надежный» и пароходы «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель», «Монгугай», «Чифу», «Пушкарь», «Смельчак», «Воевода», «Тунгуз». В числе прибывших был смешанный госпиталь с 250 ранеными и больными. Через несколько дней сюда же подошел и отряд капитана 1-го ранга Соловьева: «Патрокл» (командир старший лейтенант Николай Александр Мцылев, 346 человек), «Улисс» (лейтенант Степанов, 59 человек), «Диомид» (капитан 2-го ранга Коренев, 28 человек). Старк разделил флотилию на 2 части. Одну в составе транспортов «Охотск», «Эльдорадо», «Защитник», «Монгугай», «Пушкарь» и «Воевода» под руководством контр-адмирала Безуара оставил на некоторое время в Гензене. С другими кораблями Старк вышел в Шанхай, где была еще одна длительная стоянка. Обычно 900 миль, отделяющих Шанхай от Филиппин, суда проходили за 4 дня, но кораблям Сибирской флотилии потребовалось от 9 до 20 дней. 26 января 1923 г. они пришли на карантинную станцию Маривелес, остановка на которой предполагалась перед заходом на Филиппины. 27 марта 1923 г. приказом № 134 Старк приказал «окончить кампанию и перейти в состояние долговременного хранения». 23 мая 1923 г. стал историческим днем для Сибирской флотилии: в Олонгапо прибыл американский военный транспорт «Меррит», чтобы забрать русских моряков в Америку. На следующий день Старк приказал одеться по-парадному для последнего построения. На нем присутствовали 536 человек с семьями. Историю последнего плавания Сибирской флотилии см.: НИЛА. Kriukov Boris Aleksandrovich (1898–1983). 4 boxes.

19 марта. Решил попросить Б.Б.Филимонова вернуть мне мои мемуары и в этом духе написал ему сегодня и отправил письмо. Не везет на людей, так уж не везет.

20 марта. Жена ушла в Русский клуб читать свой доклад. Я остался дома и засел за свою работу. Жаль, что Б.Б.Филимонов оказался каким-то непокладисто-странным человеком. Иначе я кроме своих мемуаров смог бы еще предложить ему для издания две рукописи – это мой «Великий отход» и рукопись В.А.Зубца «На службе в Китайской армии».

21 марта. По словам жены, ее вчерашний доклад в Русском клубе имел хороший успех. Зал был переполнен. Много было и молодежи. Единственные недостатки – это то, что доклад был короток и что он был прочитан тихим голосом.

22 марта. Сегодня «Наша Заря» дала хороший отзыв о докладе жены, написала, что он представлял исключительный интерес и был блестяще прочитан. Конечно, жена очень довольна своим успехом.

23 марта. Совершенно неожиданно пришло сегодня по адресу жены письмо от моего крестника, Д.Я.Рейхбаума, из Иркутска¹. За 15 лет от Д.Я. пришло первое письмо. Пишет, что состоит доцентом по физике в нескольких высших учебных заведениях Иркутска. Иркутск будто бы растет. Много новых зданий в нем выстроено и строится. Много заводов. Строится мост через Ангару. В городе до десяти высших учебных заведений. Имеются в письме сведения и об общих наших знакомых. С радостью узнал, что мой старый знакомый, сибиревед Н.Н.Козьмин состоит профессором Педагогического института. Есть новости и хорошие, и печальные. Прочел письмо, и на меня навалилась какая-то бесконечная скука. От скуки пошел шататься по городу: еще скучнее стало.

24 марта. Подготовил материалы для доклада на тему «Славянские языки, народы, государства». М[ожет] б[ыть], самый доклад прочтет в клубе моя жена.

25 марта. Воскресенье. После обеда отправился на охоту за материалами. Побывал на бывшей Русской концессии у А.К.Еремеева и Н.А.Щелокова. Еремеев – мой земляк, иркутянин, в смутные годы Гражданской войны в Сибири ближайший сподвижник барона Унгерна – рассказал мне кое-что интересное о «сумасшедшем бароне». Щелоков, оренбуржец, предоставил в мое распоряжение исключительной ценности материалы об атамане Дутове, в том числе подлинное, большое, писанное карандашом письмо атамана к генералу Бакичу, отправленное адресату уже по переходе китайской границы в 1920 году.

Придя домой, я нашел на своем столе письмо от Б.Б.Филимонова. Он пишет, что мемуары пока мне не возвращает, считая, что между нами произошло недоразумение, которое надо выяснить. Вечером у нас были гости: В.Н.Лавдовский, Мг. Моге и Лида Страндберг.

26 марта. Написал две новые главки для моей работы, на основании материалов, полученных вчера.

---

¹ Автор книги: Рейхбаум Д.Я. Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

27 марта. Надумал написать для «Китайского Благовестника» в Пекине статейку под заголовком «Из Пекинской старины». Не знаю только, успею ли это сделать для пасхального номера журнала. Хотел вечером поработать, но пришел гость, Ф.П.Романов, и я отложил свою работу. Гости бывают у нас почти каждый вечер... И на гостеприимство уходит множество времени...

28 марта. Еще ничего не ответил до сих пор на письмо Филимонова: склоняюсь к тому, чтобы окончательно отказаться от его издательских услуг.

29 марта. Весь вечер проиграл в шахматы с заглянувшим ко мне алтайцем Д.М.Тобоковым.

30 марта. Америка начинает меня беспокоить. Вот уже несколько месяцев я не имею писем от доктора Фишера. В чем дело, не могу ума приложить. Рассердился он, что ли, на меня? За что? Отправил сегодня письмо Б.Б.Филимонову в Шанхай, где откровенно высказал ему все, что было у меня на душе.

31 марта. Был на вербной всенощной в церкви Дома Милосердия. Маленькая церковь была переполнена молящимися. Служил настоятель церкви, о[тец] Флегонт Смолянников, наш сибиряк, алтаец, когда-то совершивший свой скорбный путь изгнания из родины и пришедший в Китай через долины, степи, пустыни Монголии и Китайского Туркестана. Ушел я из храма с вербой и свечкой в руках, значительно умиротворенный и успокоенный.

1 апреля. С интересом переписываю в свои архивные книги-сборники газеты-уникумы. Эта газета, печатавшаяся в 1921 году на пишущей машинке в Кобдо, в Монголии, называется «Наш Вестник: Еженедельный орган военно-политической жизни Сводно-Русско-Иностранческого отряда войск Горно-Алтайской области». Иначе говоря, это была газета партизанского антибольшевистского отряда ссаула Кайгородова, действовавшего в Северо-Западной Монголии в 1920 и 1921 годах. В моем распоряжении имеется всего 9 номеров этой газеты. Печаталась она, вероятно, всего в нескольких экземплярах. Все руководящие статьи, передовицы в ней написаны в умеренно-демократическом духе, порой даже с социалистическим душком. Это более чем удивительно.

В моих архивных сборниках написано мною уже около 1000 страниц текста, в пяти книгах. Если это сохранится, будет иметь со временем ценность.

*1 апреля*¹. Упелся вечером смотреть музыкальную танцевальную кинокартину «Полет в Рио-Жанейро»; публика в восхищении наблюдала новый танец «кариока», представлявший из себя какую-то танцевальную селянку, смесь фокстрота, танго, танца живота, бедер и пр., довольно-таки вакхического типа. Я заметил, что я лучше стал понимать английскую речь в кинокартинах. До сих пор не могу решить, помогают ли говорящие кинокартины усвоению чужого языка.

2 апреля. День именин жены. Перебывало до 30 человек гостей; жена получила около двух десятков цветочных подношений.

---

¹ 1 апреля – написано дважды. – Прим. А.А.Хисамудинова.

3 апреля. Сегодня черствые именины. Были еще гости, пили чай. День провел в безделье. Правда, утром имел все же два урока.

4 апреля. Работу свою по истории рассеяния белых армий и отрядов по Азии я почти закончил. Не хватает только материалов об атамане Анненкове да о сойотских восстаниях против русских в Урянхайском крае.

5 апреля. Наступила весна, стало тепло. Зацвели фруктовые деревья. Заголосили ребятишки, русские, еврейта и китайчата по всем закоулкам и переулкам, устраивая разные игры. Стало шумно. Я не переношу этого шума: слишком сверлит он мои уши и терзает измученную душу: нервы шалют. И потому я не люблю здесь ни весны, ни лета: и шумно, и жарко. Из всех времен года сносно переношу лишь зиму и люблю, когда падает снег. Приближение лета ожидаю с ужасом и нервной дрожью.

6 апреля. Жена засела за составление доклада о нобелевском лауреате писателе Бунине. Бунинский вечер отложен до 17 апреля. Тема доклада: Бунин и его проза. Думаю, что доклад будет хорош, ибо жена очень любит Бунина как писателя, очень хорошо его понимает и чувствует.

7 апреля. Страстная суббота. Чувствуется предпасхальное оживление. Магазины полны покупателей, стремящихся запастись к Светлому празднику яствами и питиями. Сегодня же и праздник Благовещения, но он как-то не ощущается. Мы ныне делаем скромный стол: два кулича, десятка три крашеных яиц, окорок и еще кое-какие закуски — вот и все.

8 апреля. Воскресенье — Святая Пасха. На чужбине... Страшно сказать, но это уже 14-ая Пасха вне родины. Ночные пасхальные службы во всех трех русских церквях прошли торжественно. Всюду было полно народа. Немного испортила праздник только сырая, дождливая и холодная погода. Сенсация дня — это то, что китайский священник, о[тец] Сергей Чан, откололся от эмигрантской церкви и признал советскую. Говорят, что он считает себя или уже готов считать себя начальником Русской Духовной Миссии в Китае. Подробности я еще не знаю. Состоявшего у него в роли псаломщика баса Егорова, отставшего здесь от капеллы Машина, о[тец] Сергей Чан будто бы произвел теперь в протодиаконы.

Пришел сегодня пасхальный номер «Паруса»: в нем началась печатанием моя статья «Албазин и Албазинцы»¹.

9 апреля. Никуда не ходил с визитами. И у нас за целый день побывал только один визитер: И.Я.Антуфьев. Жена ушла на целый день на бывшую Русскую концессию навестить своих приятельниц.

10 апреля. Начал свои занятия с учениками. По городу ходит пасхальный анекдот. Ама (китаянка-нянька) вела в церковь русского мальчика причаститься, встретили другую аму, которая была с еврейским мальчиком. Последняя спросила первую, куда она идет. Та рассказала. Ама за компанию повела в церковь и еврейского мальчика и причастила его там. Мальчик был очень доволен и, вернувшись до-

---

¹ Серебренников И.И. Албазин и албазинцы // Парус. 1934.

мой, с восхищением рассказывал родителям, что он был в русской церкви, выпил там ложечку вина, съел кусочек хлеба, и в церкви так хорошо пели. Родители мальчика были в большом смущении.

Не знаю, верно ли все это, но, во всяком случае, похоже на правду. Дети быстро научаются от своих ам говорить по-китайски. Я и сейчас вижу часто на своей улице русского мальчика, который совсем не умеет говорить по-русски, но зато отлично объясняется по-китайски. Рассказывали мне также, что ама однажды подводила или подносила одну маленькую русскую девочку в церкви к причастию, та капризничала и кричала по-китайски:

— Бу-яо, бу-яо!

Это значило:

— Не надо, не надо!

Таковы наши маленькие китайцы.

11 апреля. Около 12 часов ночи жена вернулась из Русского клуба, где слушала очередной виетрольный концерт Борисова. Она не дослушала концерта, так как почувствовала себя плохо. Вернувшись домой, она скоро легла спать, но уснуть не смогла: ее стало знобить, тошнить: чем-то остро заболела.

Я уже собрался было побежать за врачом, но жена, сквозь зубы, едва слышным голосом уговорила меня этого не делать. Пришлось прибегнуть к очищению желудка, и только после этого жене стало несколько легче, и затем она смогла уснуть. Я же, взволнованный всем происшедшим, потерял сон и не спал почти всю ночь. Видимо, случилось что-то неприятное на почве засорения желудка. Сегодня жена приняла меры лечения и села на диету.

Русский Тяньцзинь продолжает волноваться по поводу выступления о[тца] Сергия Чана. Подлинный текст телеграммы, полученной им от Московского митрополита Сергия, гласит следующее: «Христос Воскресе! Принимаю вас в ведение патриархии, поручаю временно исполнять должность заведующего православными патриаршими приходами в Китае. Ожидаю подробного доклада о положении дела. Митрополит Сергей».

Такой текст телеграммы ничего грозного в себе еще не содержит. В городе его основательно перековеркали и придали ему другой смысл.

12 апреля. Жене стало легче, но все же ее болезнь не прошла совсем. Свое лечение осторожно ведет она сама без помощи врача.

13 апреля. Неудачи совершенно подрывают энергию. Казалось, вот нашел я себе издателя в лице Б.Б.Филимонова в Шанхае, и все стало, как будто, хорошо налаживаться, — и вдруг все превратилось в какой-то вздор. Для своей работы о рассеянии белых армий по Азии я подыскал себе переводчика, Анненкова*, бывшего гвардейского офицера, жившего когда-то в Лондоне, хорошо знающего английский язык и согласившегося переводить мою работу, что называется, на риск (заработаем — делим пополам нашу прибыль, не заработаем — труд наш пропал даром). Дважды я уславливался с ним о начале работы, дважды ждал его у себя дома в условленные часы, и оба раза я был обманут. Как быть дальше, не могу сообразить. И так-то немного

уже энергии остается у меня. А эти все неудачи и препятствия обескураживают еще больше.

14 апреля. После долгого перерыва побывал в кафе Карацаса, где играл в шахматы. Выиграл пять партий. С непривычки страшно устал от игры.

15 апреля. Воскресенье. Утром побродил по китайским букинистическим лавкам, но ничего интересного для себя не нашел и на этот раз вернулся домой без добычи. Днем кое-что написал, кое в чем помог жене, понемногу оправляющейся от болезни, в ее заботе: составлении доклада о прозе Бунина. Перед вечером побывал в кино. Вечером ввергся в меланхолию и ипохондрию и рано лег спать: благо гостей на этот раз не оказалось у нас.

16 апреля. Получил обратно из Шанхая от Б.Б.Филимонова свои мемуары, при письме, написанном в примирительном тоне. Давным-давно нет писем из Америки. У меня сложилось впечатление, что доктор Фишер, мой патрон в Америке, за что-то рассердился на меня и прекратил со мною переписку, которая ранее была так аккуратна. В июле месяце прошлого года мною была послана ему рукопись Зубца, и до сих пор я не имею окончательного ответа об ее судьбе. Еще много ранее была отправлена в его же распоряжение моя рукопись по истории Сибирского областничества. Напечатана она где-либо или нет, я тоже до сих пор не знаю. Плохо, если я лишился последнего своего патрона в Америке. Главное — скверно то, что я ровным счетом ничего не знаю и только строю разные предположения.

17 апреля. Намеченный на сегодня Бунинский вечер не состоится — по болезни жены, он перенесен еще на неделю, т.е. на 24 число. Так как сегодня Радуница, то, пожалуй, и лучше, что отменили вечер: сегодня надлежит поминать мертвых, а не живых. В Русской гимназии занятий сегодня нет. Многие пошли в церковь утром помянуть родных. Вероятно, к вечеру будет много народа и на местных кладбищах.

Днем меня навестил В.А.Зубец из Пекина, спрашивал о судьбе его рукописи. Что я мог сказать ему? Ничего не известно.

18 апреля. Получил письмо от Д.П.Першина из Калгана. Я как-то на днях сообщил ему, что группа русских людей недавно здесь, в Тяньцзине собрала несколько десятков рублей и выкупила из ломбарда хорошо украшенную икону Божьей Матери и пожертвовала затем эту икону в местную Покровскую церковь. Отец Петр Рождественский с радостью принял это пожертвование, готовый принять спасенную икону как эмигрантскую. По справке выяснилось, что икона эта была несколько лет тому назад заложена в ломбарде Д.П.Першиным. Об этом я написал Д[митрию] П[етровичу].

Теперь в ответ на это я получил следующие сведения: «Для меня было приятной новостью получение от Вас на Светлый праздник доброго известия о судьбе моей или, вернее, нашей семейной иконы Божьей Матери, которой я очень дорожил, но которую мне, поневоле, пришлось дать для залога моему покойному несчастному Олегу, чтобы выручить его из какого-то тяжелого положения. Эта икона была заложена Олегом в ломбард Шустова за 12 долларов с

тем, чтобы я мог ее выкупить. Я надеялся как-нибудь сгоношить такую небольшую сумму для ее выкупа, но так и не пришлось этого сделать из-за безденежья. Во всяком случае, я рад, что икона попала теперь в православный храм и не затерялась зря. Эта икона была приданым моей покойной матери Анны Дмитриевны, урожденной Старцевой, от ее отца Дмитрия Дмитриевича Старцева, богатого селенгинского коммерсанта в Забайкалье. Этот мой дед был крестным отцом и усыновителем тяньцзиньского Дм[итрия] Дм[итриевича] Старцева, богача и сына бурятки (коровницы Д.Д. Старцева-деда) и декабриста Бестужева. Этот тяньцзиньский Д.Д. Старцев подарил англичанам в Тяньцзине землю, на которой теперь устроен английский сквер».

19 апреля. Утром побывал, наконец, у меня Анненков, побеседовали с ним относительно перевода моей новой рукописи на английский язык.

20 апреля. Много работаю последние дни над отделкой мемуаров Д.П. Першина, относящихся к описанию унгерновской эпопеи в Монголии. Мемуары эти содержат много интересного материала, но построены они со многими дефектами: темы разбросаны, не сконцентрированы, изобилуют повторениями и т.д. По обработке их литературная ценность должна будет возрасти.

21 апреля. Газета «Наша Заря» сообщила сегодня, что в Иркутске большевики взорвали Кафедральный собор. Верно ли это? Прочитал я утром это известие с тревожным волнением. Что делать? Как остановить мерзкий вандализм мерзавцев, для которых ничего святого на земле уже не осталось? Новых варваров, выползших из мрака, подлой коммунистической черни? Неужели когда-либо Немзида Русской истории не покарает этих протоподлецов и архимерзавцев?

22 апреля. Воскресенье. Совершил сегодня большую прогулку с И.Н. Головки-Улазовским по Японской концессии; доходили до Китайского города. На обратном пути я побывал в гостях у А.Г. Гнадеберга и Т.И. Барбье.

23 апреля. Относительно своей рукописи о скитаниях белых армий и отрядов по пространствам Азии я решил послать предварительные запросы в две издательские фирмы: 1) Blackwood and Sons, в Лондоне, и 2) The Stratford Company, в Бостоне. Господи, благослови мое новое начинание...

24 апреля. Сегодня в Русском клубе — Бунинский вечер. Жена в 8 часов вечера уже отправилась в клуб: ей предстоит прочесть доклад о прозе Бунина.

25 апреля. Народу на Бунинском вечере было полным-полно, до тесноты и давки. Жена с успехом прочла свой доклад. Публика встретила ее и проводила дружными аплодисментами. Я был рад успеху жены: этот успех был наградой за ее серьезное отношение к взятой на себя задаче. Будем ждать завтра газетных отзывов о вечере.

26 апреля. Сегодня выборы шести новых членов в Совет старшин Русского клуба. По этому поводу в русском Тяньцзине наблюдается некоторое предвыборное оживление. Будут бороться между собой две группировки — Воинского союза и так называемая консульская,

около которых будут путаться еще местные фашисты. Я решил подать свой голос за кандидатов Воинского союза.

Газета «Наша Заря» поместила лестный отзыв о бунинском докладе жены.

27 апреля. Вчера я побывал в Русском клубе. Но ушел оттуда около 12 часов ночи, когда выборы еще не начались. Как я слышал сегодня, Воинский союз одержал верх, и на выборах победил его список. Собрание закончилось в четвертом часу ночи.

28 апреля. Сравнительно много денег уходит у меня на покупку книг и журналов. Нужно сократить. В последнее время я понемногу привожу свою домашнюю библиотеку в порядок: составляю каталог, переплетаю книги и т.д. Все думасшь: когда-нибудь эти книги все пригодятся. С другой стороны, книги — это страшно тяжелый груз. В наши смутные времена следовало бы жить полегче.

29 апреля. Воскресенье. Утром я с Mr. More сделал большую прогулку за город, побывал на усадьбе А.П. Бендерского, благо утро было хорошее и свежее. К полудню, однако, небо нахмурилось, неожиданно послышались раскаты грома, и пошел дождь. Это означало: наступило уже лето. Всюду уже начала радовать глаз цветущая сирень. После дождя стало, однако, довольно прохладно.

30 апреля. Русские футболисты вчера на состязании с англичанами потерпели жесточайшее поражение, получивши 0 против 7. Посрамили русское имя. Нечего сказать! Поражение, однако, не помешало им устроить вечером в Русском клубе пышный банкет.

1 мая. Сегодня было тепло: солнце основательно припекало. Мы с женой стали уже обсуждать вопросы о том, как и где провести лето.

2 мая. Переписал уже свыше ста страниц рукописи Д.П. Першина — его воспоминаний о «сумасшедшем белом бароне» Унгерне. В рукописи очень много повторений и растянутостей. То и другое приходится сокращать, порой просто выбрасывать. От этого, я думаю, рукопись только выиграет в своей целостности и выразительности. Вечером пришли к жене ее подруги: Е.А. Лавдовская и Н.В. Семенова, на вечеринку, с рукоделиями. Дамы работали. Я заводил им виктролу и угощал их песенками Морфесси, Кармелинского и других дамских кумиров.

3 мая. Отправил сегодня письма в издательские компании «Blackwood and Sons», в Лондоне, и «The Stratford Company», в Бостоне. Письма мои были написаны по-английски мною самим, прокорректированы Mr. More, добровольно исполняющим обязанности моего английского секретаря.

4 мая. Из Америки нет и нет никаких известий. Какая судьба постигла посланные мною туда две рукописи, так и не знаю. На днях пошлю решительный запрос.

5 мая. Жена собрала сегодня большой дамский чай. Я испугался этого «бабкома» и удрал в кино, где просмотрел довольно интересную картину из жизни диких животных под названием «Devil-Tiger», а оттуда свистнул в кафе Карацаса, где полуудачно играл в шахматы. Вечер закончил ужином у Лавдовских, где слушал политические дебаты гостей о коммунизме, фашизме, гитлеризме и прочем.

6 мая. Воскресенье. День провел праздну, принимал гостей и сам ходил в гости; вместе с Антуфьевым побывал в кино, где смотрел этнографическую картину из жизни американских эскимосов.

7 мая. Кончил сегодня обработку и переписку воспоминаний Д.П.Першина о бароне Унгерне и его Ургинской эпопее. Архивные мои материалы множатся. Вечером побывал, по приглашению, на годовом акте Английской школы. Speech-day прошел отлично. Председатель школьного комитета Питерс произнес отличную речь. Его жена, урожденная русская, раздавала ученикам и ученицам награды и спортивные призы. Дети затем на сцене дали хорошие балетные представления. До конца школьного празднества я не досидел: меня погнали домой ужасные сквозняки — окна, несмотря на прохладную температуру сегодняшнего дня, по случаю дождя, были все открыты. Англичане — ревностные поклонники свежего, даже прохладного, воздуха, не боятся сквозняков. Дети в школах даже зимой частенько занимаются при открытых окнах. Сегодняшним сквозняком я как сибиряк был прямо посрамлен: нет, видно, мы уже слишком привыкли к теплу в помещении.

8 мая. С переводом моей рукописи о рассеянии Белой армии по Азии ничего не ладится: мой переводчик Анненков, заглянувши ко мне два раза, перестал больше ко мне заглядывать. Я решил сам засесть за перевод. Это трудно, сулит много хлопот. Но что делать?

9 мая. Давление крови — 186. Придется делать йодовые вливания.

10 мая. Скучно жить на этом свете, господа! Особенно когда не знаешь, кто прав: пессимисты или оптимисты? Крайние пессимисты размышляют: начнется война СССР с Японией, советские войска разобьют японцев; в Японии начнется революция; это усилит коммунистическую революцию в Китае, коммунистические революции Китая и России сольются вместе, иностранцы сядут на корабли и убегут из Китая; русские белые будут здесь вырезаны. Не скажу, чтобы эта перспектива была веселенькая. Достигши 50 лет с маленьким хвостиком, можно о ней еще размышлять более или менее со спокойным, философским равнодушием. Оптимисты мнения иного: начнется война, Япония разобьет СССР, в Советском Союзе начнется очистительная несоциальная революция; мы поедem домой.

11 мая. Встретился на улицах Тяньцзиня с ген[ералом] Д.Л. Хорватом. Постояли и побеседовали немного. Генералу уже 76 лет, но выглядит он очень бодро и свежо. Не сглазить бы.

12 мая. Сегодня один мой ученик и одна моя ученица держат вступительные экзамены в Yen-Ching'ский университет около Пекина. Русская молодежь теперь почти лишена возможности продолжать свое образование в университетах Америки или Европы и старается пристраиваться в местных китайских университетах: пока что в Гонконге, Шанхае и Пекине.

13 мая. Воскресенье. Обедал у нас И.Н.Головко-Улазовский с женой и дочерью. После обеда И[ван] Н[арцисович] и я отправились на скачки, проиграли там безрезультатно два рубля и вернулись домой. Вечером я побывал у Н.А.Щелокова на бывшей Русской концессии, захватил у него ряд документов, относящихся к жизни ин-

тернированного в Китай в 1920–21 годах отряда атамана А.И.Дутова. У Щелокова были еще гости – бывшие белые офицеры: Абрамов и Инфантьев, гости с оживлением вспоминали «битвы и сечи, где вместе рубились они». Разговоры для меня как архивной крысы были, во всяком случае, интересные.

14 мая. Моя бывшая ученица, китаянка Dora Chun, скоро выступит в одной пьесе из китайской жизни. Пьеса пойдет в Recreation Hall. По этому случаю во вчерашнем номере газеты «North China Star» был помещен снимок с ней в ее роли в пьесе «Си Ши».

[Наклеена вырезка «Taking leading roles in «Hsi Shih» с фотографией Dora Chun и Madeline Chang. Без даты. – Прим. А.А.Хисамутдинова].

Как моя ученица по математике Dora Chun выказала блестящие способности.

15 мая. В Тяньцзинь приехал главный редактор газеты «Харбинское Время» японец Осава¹. Он посетил председателя Комитета Делового Объединения, о[тца] прот[оиерея] Рождественского, и расспрашивал его о нуждах местной русской эмиграции, указав, что японцы могут прийти сй на помощь, если что понадобится.

– Политики не надо, – говорил Осава о[тцу] протоиерею. – Нужно вам объединиться, создать монолитное объединение, а там видно будет.

Посещение это, во всяком случае, знаменательное. Гостю было указано о[тцом] Рождественским на нетактичное поведение местной русской газетки, издаваемой на японские средства, «Возрождение Азии», которая вносит рознь и раздор в местную русскую общественную работу и, пожалуй, содействует увеличению отчужденности местной русской колонии от японцев. Заявление это было, кажется, принято к сведению!

16 мая. Вчерашний «культурно-просветительный» вторник прошел, благодаря дождливой погоде, вяло. Народу не было так много, как обычно стало бывать на этих вторниках. Жена прочла свой доклад «Славянские языки, народности, государства». Доклады и лекции ее на вторниках имеют успех; плохо только то, что жена имеет тихий голос, недостаточный для большой аудитории. Вчера она как будто прочла свой доклад, по ее словам, довольно громко. Сам я на эти вторники не хожу, предпочитая сидеть дома и что-нибудь «проработать».

17 мая. Вознесение Христово. Провел праздник в высокой степени скучно.

18 мая. Наконец, сегодня пришло письмо из Америки от доктора Фишера, от 20 апреля, на бланке Станфордского университета и Committee on Russian Research. К моему сожалению, письмо не принесло с собой ничего утешительного для меня, моя рукопись «Областническое движение в Сибири» все еще лежит без движения в портфеле редактора журнала «Pacific Historical Review». Рукопись В.А.Зубца все еще находится на просмотре какого-то американского

---

¹ Харбинское время: Газета / Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве. № 1 – сент. 1931. Редактор Ж.Осава при участии Б.П.Шилова, затем К.Фупусава. Закрыта в июле–сент. 1945 г.

учреждения. Мои некоторые чисто практического свойства предложения не приняты for financial reasons. В общем, можно сделать вывод, что с Комитетом по русским изысканиям трудно становится вести какие-либо дела. Я все еще не могу уяснить себе, в каких взаимоотношениях находятся между собой названный комитет и Военная Библиотека Хувера¹.

19 мая. Газета «Слово» в номере от 16 мая сообщила интересное путешествие одной статьи. В начале 1932 года в этой газете была помещена статья Б.А.² о соотношении морских сил на Тихом океане. В 1933 году эта статья в английском переводе появилась в шанхайском журнале Вудхэда «Oriental Affairs», затем она была перепечатана в Японии газетой «Japan Advertiser», а в 1934 году она оттуда попала в американскую прессу. Из журнала «Pacific» ее извлек русский журналист П.П.Муратов* и, снабдив ее своими комментариями, в предположении, что статья эта принадлежит американскому автору, напечатал ее в парижской газете «Возрождение». Оттуда ее перепечатала «Шанхайская Заря». Таким образом, в течение двух лет с небольшим статья Б.А. совершила в полном смысле этого слова кругосветное путешествие. История эта и забавная, и поучительная. Она свидетельствует, что новая русская эмигрантская пресса может приобретать влияние и за границей.

20 мая. Воскресенье. Шатаюсь по китайским букинистическим лавкам и проходя мимо витрины китайских книжных магазинов, я замечаю, что среди выставляемых в окнах китайских книжных новинок порой встречаются переводы произведений наших русских писателей. Среди последних я видел Тургенева, Достоевского, Горького, Ссрафимовича и некоторых советских авторов.

Немало русских писателей появляется здесь и в английских переводах. За последнее время часто стало попадаться имя Бунина как свежего нобелевского лауреата. В сегодняшнем объявлении книжного магазина «Lynn» объявляется о продаже драматических произведений советской литературы в переводе на английский: В.Иванов «Бронепоезд», Третьяков «Рычи, Китай», М.Чумандрин* «Белый камень». О последнем авторе я слышу впервые.

21 мая. Понемногу начали убывать у меня ученики. Свободного времени становится больше. [Вычеркнуто: Однако. — Прим. А.А.Хисамутдинова]. Потеряв свою прежнюю работоспособность, я не спешу продуктивно им воспользоваться. Все же кое-какую работу я веду: обрабатываю рукописи Д.П.Першина, переписываю попавшие в мои руки архивные документы, перевожу понемногу на английский язык свою рукопись «Великий отход», порой еще исправляю и дополняю ее в русском тексте. Около 30 страниц перевода я уже отдал на просмотр Mr. More.

22 мая. «Харбинское Время» в номере от 18 мая опубликовало сенсационные сведения о том, что в Москве в ночь с 7 на 8 мая произош-

---

¹ Ныне НЦЛА.

² Возможно, автор Борис Петрович Апрельев (1888–1951), капитан 2-го- ранга, публиковал статьи в газете «Слово» (Шанхай).

ли важные события и что будто бы группа Ворошилова—Калинина отстранила от власти Сталина и его сателлитов: Кагановича, Кирова и других... Верно ли?

23 мая. Опять слышал, что японцы здесь продолжают интересоваться состоянием и настроениями местной русской эмиграции. Говорили мне, что лидеры местного Воинского союза, полковники Бендерский и Веденяпин, готовят для местного японского консула доклад по вопросам, его интересующим.

24 мая. Некоторое время тому назад на Британской концессии Тяньцзиня была произведена перепись населения. В сегодняшних газетах опубликованы результаты этой переписи. Население концессии было исчислено в количестве 46 809 лиц, распределившихся по 38 различным национальностям, среди которых доминирующее положение заняли китайцы. По сравнению с 1913 годом, население концессии возросло на 30 000 человек. По главнейшим по численности национальным группам население концессии распределилось в 1934 году, сравнительно с 1913 годом, в следующем порядке:

Население	в 1934	в 1913
Китайцы	42 764	15 946
Русские	1455	43
Британцы	1451	388
Евреи	323	—
Американцы	252	72
Другие	564	354
Всего:	46 809	16 803

На концессии Британской, как и на других, много богатых китайских особняков, владельцами коих являются, большей частью, бывшие сановники: министры, генерал-губернаторы, губернаторы провинций и разные другие чиновники, сумевшие в свое время нажать по службе деньгу и немалую. Меня интересовал порой вопрос, как велико может быть население такого богатого домовладения-семьи. Газета «North China Star» опубликовала несколько иллюстраций к этому вопросу. В одном китайском домовладении-семье было зарегистрировано 111 человек, в том числе 98 взрослых и 13 детей. В общем населении домовладения было 50 слуг и 27 служанок разного рода и затем 5 учителей. В другом доме было зарегистрировано 5 мужчин и 27 женщин из состава семьи, при которой находилось 62 человека прислуги.

Полагаю: если бы можно было получить сырые материалы переписи для обработки, то, вероятно, удалось бы получить разные интересные выводы и сопоставления. Переписанное население концессии распределялось на взрослых и детей (точнее, несовершеннолетних) так:

	взрослые	дети
Китайцы	30 424	12 340
Русские	1089	366
Британцы	1107	34

Евреи	232	91
Американцы	183	69
Другие	402	62
<hr/> Всего:	<hr/> 3431	<hr/> 3372

Представители других народностей, зарегистрированных на концессии: поляки, латвийцы, литовцы, немцы, бельгийцы, французы, голландцы, итальянцы, эстонцы, румыны, португальцы, армяне, испанцы, персы, норвежцы, греки, шведы, корейцы, татары, японцы (89 человек), венгры, датчане, чехословаки и другие. В общем итоге иностранное население концессии составило 4045 человек, т.е. около 9% всего населения ее. Немного.

25 мая. Вчера я поздно ночью возвратился из Русского клуба, где я играл в шахматы и пил пиво. Я играл неудачно и был в плохом настроении. На каменном полу ниши, куда выходит парадное крыльцо моей квартиры, я наткнулся на какое-то маленькое существо, свернувшееся калачиком и, видимо, расположившееся тут спать. Я растолкал это существо. Оно завозилось, и я узнал его. Это был маленький китайчонок, уличный бродяжка, нищий-попрошайка наших кварталов. Я рассвирепел... Как посмел этот маленький желтый расположиться на ночлег у дверей белого?! Несчастливая раса... жалкие рабы, надумавшие стать свободными! Что-то в этом роде быстро промелькнуло в моей голове. Я в ярости хотел вышвырнуть китайчонка на середину улицы, чтобы впредь не было повадно ему ночевать, где не следует, и вдруг остановился. Китайчонок что-то жалобно лепетал со сна, перемешивая китайские слова с русскими, которым он научился тут же, на наших улицах, где так много гуляет и бродит русских. Среди этих русских слов я явственно услышал восклицания:

– Дядя, дядя!

Он, видимо, просил моего разрешения переночевать у дверей моей квартиры. И вдруг я вспомнил свою родину, своих рабов, захотевших тоже стать свободными, своих русских беспризорных, детей, ютящихся порой по ночам в водосточных каналах и трубах. Я закрыл глаза и прошел в свою квартиру. Китайчонок, нужно думать, спокойно переночевал у дверей моего дома...

[На последних листах наклеены вырезки фотографий из газет с подписями на английском языке: Хор терских казаков, Русская прогимназия в Тяньцзине в 1933 г., А.Микутин, А.М.Перевощиков, Б.В.Остроумов, А.В.Барташев, З.А.Прибыткова, М.Тарле, Бал Охотничьего клуба в Тяньцзине, Н.В.Семенова, Л.В.Гершевич и Д.Гребстейн, Местные «Соколы» и Харбинская хоккейная команда, Русская футбольная команда в Тяньцзине. – Прим. А.А.Хисамудинова.]